

Бродяги Севера

Глава I

Неева, маленький черный медвежонок, впервые увидел мир, в котором ему предстояло жить, в конце марта — на исходе Орлиного месяца. Нузак, его мать, была уже пожилой медведицей, а потому любила поспать подольше, чтобы понежить свои ревматические косточки. Вот почему в эту зиму — в зиму рождения маленького Неевы — она проспала не обычные три месяца, а целых четыре, и Нееве, когда они вылезли из берлоги, было больше двух месяцев, хотя чаще всего медвежата начинают знакомство с лесной жизнью в шестинедельном возрасте.

Зимовала Нузак в пещере у гребня высокого каменистого холма, и вот с этого-то гребня Неева впервые посмотрел в долину. Вначале солнечные лучи совсем ослепили его глаза, до сих пор не знавшие ничего, кроме густого сумрака пещеры. И поэтому он услышал, почуял и ощутил множество самых разнообразных вещей раньше, чем увидел их. Впрочем, Нузак тоже словно растерялась, обнаружив за стенами пещеры солнечный свет и тепло

вместо холода и снега, и долго стояла на вершине холма, нюхала ветер и оглядывала свои владения.

Уже две недели ранняя весна творила чудеса в прекрасном северном краю, который тянется с запада на восток от хребта Джексона до реки Шаматтава и с юга на север от озера Готс до реки Черчилл.

И сейчас этот край был великолепен. С высокой скалы, на которой они стояли, он походил на безбрежное солнечное море, и лишь кое-где еще белели остатки высоких сугробов, наметенных зимними буранами. Их холм круто поднимался над широкой долиной. Повсюду перед ними, насколько хватало глаз, простирались синевато-черные полосы леса, мерцали озера, еще не сбросившие ледяной панцирь, блестели речки и ручьи и начинали зеленеть луга, над которыми поднимались благоуханные запахи земли. Нузак, черная медведица, жадно втягивала носом эти бодрящие запахи, обещавшие сытную и изобильную еду. Внизу, в долине, уже буйствовала жизнь. Почки на тополях набухли и должны были вот-вот развернуться, из темной почвы пробивались сочные и нежные стебли трав, съедобные корни наливались соком, подснежники, ранние фиалки и весенние красавицы тянулись к теплоте блеску солнца, приглашая Нузак и Нееву на пир.

За двадцать лет своей жизни Нузак успела хорошо изучить все эти запахи: восхитительный аромат елей и сосен, резкий сладкий запах корневищ водяных лилий и сочных луковиц, поднимавшийся над оттаявшим болотцем у подножия холма, а глав-

ное — победный, всепоглощающий, преисполненный жизни запах самой земли.

Вдыхал эти запахи и Неева. Его ошеломленное тельце впервые дрожало и трепетало от радостного волнения бытия. Еще минуту назад он был окутан темнотой — и вдруг очутился в стране чудес, о существовании которой он и не подозревал. Эти несколько минут необычайно много поведали ему о дарах, припасенных для него матерью-природой. Он еще ничего не знал, но в нем заговорил врожденный инстинкт: он понял, что этот мир создан для него, что солнце и тепло существуют для него и что сладостные запахи земли зовут его вступить во владение ее плодами. Он сморщил бурый носик, втянул ноздрями воздух и познал острое благоухание всего, что было приятным и желанным.

Кроме того, Неева внимательно прислушивался — его настороженные ушки ловили музыку пробуждающейся земли. Даже корни травы словно пели от радости, и всю залитую солнцем долину заполняла тихая бормочущая мелодия, свидетельствующая о том, что покой этого мирного края еще не нарушен появлением человека. Повсюду раздавалось журчание бегущей воды, и Неева различал множество еще незнакомых звуков, которые могли издавать только живые существа: чирикание воробьев, серебристые трели малиновки внизу у болотца, пронзительный, радостный крик нарядной канадской сойки, отыскивающей место для гнезда в густой поросли бархатистых елок. А в бездонной высоте над его головой раздался резкий клекот, от

которого он вздрогнул: на сей раз инстинкт сказал ему, что это — опасность. Нузак подняла голову и увидела темный силуэт: Упиок, огромный орел, парил между землей и солнцем. Неева тоже увидел этот кружащий силуэт и прижался к матери.

А Нузак, хотя она и была так стара, что потеряла половину зубов и стала хуже видеть, а в сырые холодные ночи все ее кости ныли, все-таки по-прежнему испытывала ликующую радость, когда смотрела вниз. Ее мысли уносились далеко за пределы долины, над которой они проснулись. За стеной лесов, за самым дальним озером, за рекой и лугами лежали безграничные просторы, которые были ее домом. И она различила глухой гул, который не уловили ушки Неевы, — еле слышный рев большого водопада. Именно этот дальний голос вместе с журчанием тысяч стремительных ручейков, вместе с шелестом ветра в елях и соснах и создавал весеннюю музыку, наполнявшую теплый воздух.

В конце концов Нузак шумно вздохнула, ласковым ворчанием позвала Нееву за собой и начала медленно спускаться по каменистому откосу.

В золотом омуте долины было еще теплее, чем на гребне холма. Нузак направилась прямо к болотцу. Перед ними, затрещав крыльями, вспорхнула стайка рисовок, и Неева чуть не перекувыркнулся от неожиданности. Однако Нузак не обратила на них внимания. Гагара, увидев бесшумно ступающую медведицу, возмущенно крикнула, а затем испустила пронзительный крик, от которого у Неевы

шерсть встала дыбом. Но Нузак не обратила никакого внимания и на гагару. Неева все это заметил. Он не спускал глаз с матери и, повинувшись инстинкту, готов был пуститься наутек по первому ее сигналу. И теперь в его круглой смешной головке быстро зрел вывод, что его мать — самое удивительное существо на свете. И уж бесспорно самое большое, то есть самое большое из всего, что живет и движется. Он пребывал в этом убеждении минуты две, а потом они приблизились к болотцу. Раздалось громкое фырканье, треск ломающихся веток, чавканье грязи под мощными ногами, и гигантский лось, вдвое выше, чем Нузак, кинулся бежать прочь. Глаза у Неевы вылезли на лоб. А Нузак и на лося не обратила ни малейшего внимания!

И вот тут-то Неева сморщил носишко и рявкнул, как он рявкал на уши и патлатую шерсть Нузак в темной пещере и на палки, которые грыз там. Он вдруг понял замечательную вещь: ему можно было рявкать на все, на что ему захотелось бы рявкнуть, пусть даже на самое большое. Потому что и те, кто был больше Нузак, его матери, все равно убегали от нее.

Весь этот первый чудесный день Неева то и дело открывал что-то новое, и с каждым часом в нем крепла уверенность, что его мать — единовластная владычица всех этих залитых солнцем удивительных новых мест.

Нузак была заботливой старой матерью — за свою жизнь она вырастила чуть ли не два десятка медвежат, и в этот день она не стала уходить далеко

от холма, чтобы дать время немного затвердеть нежным подошвам на лапках Неевы. Почти все время они оставались около болотца и только заглянули в соседнюю чашу, где Нузак ободрала когтями молодое деревце, чтобы они могли полакомиться скрытой под корой сочной губчатой массой. Нееве очень понравился этот десерт после плотного обеда из луковиц и корней, и он попытался сам ободрать соседнее деревце. К вечеру Нузак наелась так, что ее бока стали совсем круглыми, а Неева, который, кроме материнского молока, перепробовал множество новых и вкусных вещей, стал похож на готовый лопнуть гороховый стручок. Ленивая старая Нузак выбрала нагретый заходящим солнцем белый валун и прилегла возле него вздремнуть, а Неева отправился искать приключений в одиночку и вскоре столкнулся со свирепым жуком.

Это был гигантский рогач, дюйма два длиной. Его грозные челюсти были иссиня-черными и загибались, как железные крючья. Ярко-коричневые жесткие крылья блестели на солнце, точно металлическая броня. Неева припал к земле и не сводил глаз с жука. Сердце его отчаянно билось. Жук был от него в двух шагах и... двигался прямо на него. Это озадачило и возмутило Нееву. Все остальные живые существа, встреченные в этот день, убегали от него, а жук не захотел! Рогач двигался вперед, перебирая шестью ногами, и прищелкивал — это прищелкивание Неева расслышал очень хорошо. В медвежонке взыграла воинственная кровь Суминитика, его отца, и он осторожно протянул вперед

лапу. В тот же момент Чегавассе, жук, преобразился самым страшным образом: его крылья загудели, как круговая пила, челюсти раскрылись так, что могли бы защемить палец взрослого мужчины, и он весь завибрировал, словно исполняя боевой танец. Неева поспешно отдернул лапу, и несколько секунд спустя Чегавассе успокоился и... опять пошел вперед.

Неева, разумеется, не мог знать, что поле зрения жука не превышает четырех дюймов, а потому совсем растерялся. Однако сын такого отца, как Суминитик, даже в возрасте девяти недель никак не мог уступить победу без боя. С мужеством отчаяния Неева снова протянул лапу, и, к несчастью для него, один из его маленьких коготков опрокинул Чегавассе на спину и прижал к земле так, что жук уже не мог ни гудеть, ни щелкать. Медвежонка охватил неистовый восторг. Он принялся медленно-медленно подтягивать лапу к себе, и вскоре жук очутился прямо под его острыми зубками. И тут Неева понюхал свою добычу.

Чегавассе не упустил удобного случая. Мощные челюсти сомкнулись, и Нузак была внезапно разбужена отчаянным воплем. Она подняла голову и увидела, что Неева катается по земле словно в припадке. Он царапал землю, рычал и фыркал. Нузак несколько секунд задумчиво смотрела на сына, затем поднялась и направилась к нему. Большая материнская лапа перевернула Нееву на спину, и Нузак увидела, что в нос ее отпрыска впился Чегавассе. Распластав Нееву на спине, так что он не

мог пошевелиться, Нузак захватила жука зубами и принялась медленно их сжимать, пока Чегавассе не разжал челюсти. И тогда она его проглотила.

До самых сумерек Неева старался утишить боль в носу. Когда начало смеркаться, Нузак привалилась к большой скале, и Неева плотно поужинал. А потом он свернулся в изгибе ее большой теплой лапы, словно в уютном гнезде. Нос у него все еще побаливал, но медвежонка счастливее его не нашлось бы на всем свете: после своего первого дня в лесу он чувствовал себя необыкновенно мужественным и бесстрашным, хотя от роду ему было всего девять недель. Он посмотрел мир, он увидел очень много нового и если не сумел победить жука, то все равно показал себя с самой лучшей стороны.

Глава II

Вэту ночь Неева перенес жестокий приступ «миступайю», или, проще говоря, у него сильно разболелся живот. Представьте себе, что младенец, привыкший только к материнскому молоку, вдруг накинется на бифштекс! А именно это и сделал Неева. Обычно такой переход к твердой пище происходит у медвежат постепенно и на месяц позже, но природа словно нарочно преподала Нееве курс ускоренного обучения, как будто сознательно готовя его к той тяжелой и неравной борьбе, которая поджидала его в недалеком будущем. Несколько часов Неева вопил и хныкал, а Нузак массировала носом его вспученный животик; наконец его стошнило, и он почувствовал себя лучше.

После этого он крепко уснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, их ослепило красное пламя. Накануне солнце весь день было золотое, сверкающее, далекое, а теперь впервые он увидел, как оно встает над горизонтом весенним северным утром. Это солнце было алым, как кровь, и пока Неева смотрел, оно быстро поднималось из-за края